

Росляков Евгений Сергеевич

соискатель кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского

**НАЧАЛО ЦЕРКОВНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
АНТОНИЯ (ХРАПОВИЦКОГО)
В ОЦЕНКАХ И ВОСПОМИНАНИЯХ
СОВРЕМЕННОКОВ**

Аннотация:

Статья посвящена исследованию особенностей восприятия современниками Антония (Храповицкого) в период начала его церковно-общественной деятельности, которые легли в фундамент формирования его образа в историографии. Проанализированы основные факторы, выделявшие Антония (Храповицкого) из традиционного ряда церковных деятелей.

Ключевые слова:

Антоний (Храповицкий), Русская Православная Церковь, оценки, воспоминания, критика, историография, духовные академии, монашество.

Roslyakov Evgeniy Sergeevich

PhD student, Modern Russian History and Historiography Department, Omsk State University

**THE BEGINNING OF THE CHURCH
ACTIVITY OF METROPOLITAN
ANTHONY (KHRAPOVITSKY)
IN ASSESSMENT AND MEMOIRS OF
HIS CONTEMPORARIES**

Summary:

The article investigates the peculiarities of perception of Anthony (Khrapovitsky) by his contemporaries in the beginning of his church and social activities, which initiated formation of his image in the historiography. The author considers principal factors making Anthony (Khrapovitsky) an outstanding church personality.

Keywords:

Anthony (Khrapovitsky), Russian Orthodox Church, evaluations, memories, criticism, historiography, religious academies, monasticism.

Антоний (Храповицкий) – один из крупнейших деятелей Русской Православной Церкви первой половины XX в. Он принимал активное участие в церковной жизни до революции в России, а в эмиграции стал организатором и первым главой Русской Зарубежной Церкви. Имя Антония (Храповицкого) всегда было предметом острой полемики. В начале века в период резкого обострения социально-политических отношений за ним закрепился образ реакционера, представителя самого консервативного церковного крыла, который на долгое время стал доминирующим в отечественной историографии. Обращение к оценкам начального периода церковного служения Антония показывает основные моменты восприятия его личности и деятельности, передает особенности формирования отношения к нему в церковной и общественной среде, что проявилось в дальнейшем в период активизации церковных и политических дискуссий.

Антоний (Храповицкий) очень рано вступил на путь церковно-общественной деятельности, став в 27 лет ректором Московской духовной академии. Но и до этого имя недавнего выпускника Санкт-Петербургской духовной академии было известно. П.Б. Струве вспоминал, как о молодом иноке из дворянской семьи говорили тогда «как о явлении редкостном в то время и по существу весьма примечательном, что-то обещающем и на что-то указующем» [1, с. 329].

В стенах Петербургской академии Антоний оказался в кругу единомышленников, по словам Г.В. Флоровского, «ревнителей иноческого подвига», сочетающих иноческий идеал с пастырским призванием [2, с. 426]. Журнал «Церковный вестник» через несколько лет сообщал о том времени: «Академия соединила тогда под своею кровлею двух хорошо известных Петербургу проповедников – преосвященного Антония, остающегося и ныне ректором Академии, и о. Антония (Храповицкого), теперь ректора Московской духовной академии, а то время бывшего доцентом Петербургской. Это был такой богатый пример для студентов! Всякое выдающееся явление – из общественной ли жизни, или из внутренней академической – подвергалось немедленному пастырскому обсуждению и в речах преосвященного ректора..., и в задушевной беседе о. Антония, который жил в академическом здании и вел со студентами самое широкое знакомство. Эти речи, эти беседы сильно воодушевляли молодых слушателей; и недаром этот год со следующим дал необычайно крупную цифру студентов, постригшихся в монахи» [3, с. 6].

Значительный акцент на пастырство для Антония – способ оживить церковную жизнь, которая, по его словам, была поражена формализмом и схоластикой, в широком смысле – казенщиной. Как следствие, у священства Антоний наблюдал «отсутствие пастырского духа» [4, с. 422]. Описывая тип священника – выпускника духовных академий, Антоний основное внимание

обращал на душевную отстраненность пастыря в прямом общении с паствой: официальный сухой язык и, вообще, скупость речи, невыносимость утомительной проповеди, в итоге – «простолюдины ничего не поняли, а интеллигенты не могли даже до конца достоять» [5, с. 422–423].

В рамках упомянутого кружка состоялась встреча его членов с В.С. Соловьевым. Писатель в апреле 1886 г. сообщал в письме, что «вступил в наилучшие отношения с ... Академией в лице инспектора архимандрита Антония и других молодых монахов» [6, с. 235]. Через несколько лет Соловьев оказался под огнем критики за свои прокатолические воззрения, высказанные в книге «Россия и Вселенская Церковь». Интересна в связи с этим роль Антония, который, критикуя взгляды Соловьева, в то же время был против развернувшейся травли самого писателя. Сотрудник журнала «Вопросы философии и психологии» Я.Н. Колубовский вспоминал по этому поводу: «В самый разгар полемики Соловьев получил нравственную поддержку с той стороны, откуда ее совсем не ожидал. Архимандрит Антоний (Храповицкий) ... хотя и сотрудничал в “Московских ведомостях”, ... решительно не одобрял похода газеты против Соловьева и в письме на имя Н.Я. Грота, ходившем тогда по рукам, довольно резко отзывался о своих товарищах по газете, выражаясь в том смысле, что они ведут полемику “от ветра головы своей”» [7, с. 452].

В связи с делом Соловьева сохранились свидетельства отношения к Антонию представителей консервативного лагеря. Л.Н. Толстой в апреле 1892 г. в письме М.В. Алехину сообщал «новость»: «Тихомиров ... вследствие того, что Антоний архимандрит и ректор Троицкой академии напечатал в журнале Грота религиозно-либеральную статью и был у меня, колебался в вере в православие – “Что ж, говорит, если опоры церкви так непрочны, на что ж опереться?”» [8, с. 191]. Очевидно, что недавний революционер видел или во всяком случае хотел видеть в молодом архимандрите «опору» Церкви. Встреча с Антонием, о которой упоминал Толстой, состоялась в марте 1892 г. Писатель был знаком с критикой своего учения Антонием и выражал желание встретиться с ним, говоря, «что его понимает один о. Антоний» [9, с. 197].

Еще один консервативный мыслитель К.Н. Леонтьев в октябре 1891 г. в письме сообщал о своем намерении просить Антония «возразить Соловьеву», однако ниже высказывал опасение, что «он сам (по некоторым признакам) либерал-демократ, но, однако... в какой мере?» [10, с. 603]. Что за «признаки» имел в виду Леонтьев, сказать определенно нельзя. Возможно, до него доходили слухи о тогдашней репутации молодого ректора. Тот же Я.Н. Колубовский по этому поводу писал: «Архимандрит Антоний слыл в то время большим либералом. По делам редакции мне часто приходилось сталкиваться со студентами московской академии и подолгу беседовать с ними... Студенты в один голос заявляли, что ректор ведет с ними либеральные беседы, критикует Синод и вообще держит себя независимо. “Мы удивляемся, – говорили они, – как он до сих пор не угодил на Соловки”. Такова же была в то время репутация архимандрита Антония в московском обществе» [11, с. 452].

Подобные смелые для того времени взгляды, несомненно, выделяли архимандрита Антония из числа церковных деятелей. Он выделялся и с педагогической, и с административной, и с пастырской сторон. «Наш Антоний – отрицание формы», – писал профессор Московской академии А.Д. Беляев [12, л. 51]. В качестве ректора он зарекомендовал себя защитником студентов перед церковным начальством, противником всяческих «ограничений и строгостей» [13, с. 905]. Умение налаживать отношения с молодежью, вообще, было важнейшим качеством Антония. Это признавали многие современники, хотя и различались в оценках и искренности помыслов Антония. Митрополит Евлогий (Георгиевский) вспоминал о резком контрасте поведения Антония в сравнении с предыдущим ректором. Он писал об открытости нового ректора студентам, частых собраниях на его квартире, где в беседах за самоваром проводили многие часы [14, с. 41].

Однако снисходительность ректора по отношению к студентам воспринималась многими негативно. Архимандрит Арсений (Стадницкий) писал, что московский митрополит Сергей (Ляпидевский), отзываясь об Антонии «как о человеке высоконравственном...», не одобрял его как ректора-администратора, который совершенно ослабил дисциплину в Академии» [15, с. 285].

Неотделима от педагогической деятельности Антония его монашеская идея. Будучи фанатично ей преданным, Антоний искренне считал этот путь необходимым для большинства студентов, многие из которых оказывались к нему не готовы. Арсений (Стадницкий) писал, что многие постриженники, получив власть, старались подражать своему учителю, но, не имея его талантов и усвоив только «внешнюю сторону антониевского режима», «являются жалкими подражателями», которые, декларируя «всепрощающую любовь», на деле потакают юношеской распущенности [16, с. 277–278]. Современники вспоминали о нередких трагических случаях неудачных постригов [17, с. 42]. Некоторые из учеников со временем меняли отношение к учителю. Юношеский авторитет с годами превращался во врага, любовь переходила в ненависть. Так, известный деятель просвещения И.Я. Яковлев, вспоминая о старообрядческом епископе Михаиле (Семенове), отмечал «роковую роль», которую сыграл в его жизни Антоний (Храповицкий), умевший «влезть

в чужую душу, заразить доверием своих жертв и затем, изучив их слабости, действовать на них же в желательном ему направлении, совращая их в монашество... Зато такие субъекты его и ненавидели впоследствии, в том числе и Михаил, совращенный им в монашество» [18, с. 256].

Современники отмечали искренность самого Антония к идее монашества, но к результатам массы пострижений многие относились негативно. «Вы располагаете монахов, но из них есть и такие, о которых говорят дурное», – говорил Антонию московский митрополит Сергей (Ляпидевский) [19, л. 69]. Ученое монашество критиковали за карьеризм, когда студент академии, принявший постриг, практически гарантированно продвигался по карьерной лестнице. «Вот времячко-то настало...! – писал в дневнике профессор Беляев. – Объяви, что пойдешь в монахи, и всего достигнешь...» [20, л. 31].

Еще одним новым явлением академической жизни, связанным с именем Антония (Храповицкого), стало оживление церковно-общественной деятельности. Митрополит Евлогий вспоминал, что архимандрит Антоний вырвал студентов из традиционного круга академической жизни и вывел их на поляну общественной деятельности: «...пробудил сознание долга служить Церкви и обществу...» [21, с. 41]. Пастырская, общественная деятельность была тем звеном, посредством которого Антоний (Храповицкий) становился фигурой, выходящей далеко за рамки церковной ограды.

Однако и здесь отзывы современников были противоречивы. В пастырской направленности деятельности Антония видели ущемление деятельности непосредственно академической, научной. Оно сказывалась на характере научных интересов студентов, среди которых, по свидетельству профессора А.Д. Беляева, стала распространяться склонность «к новому, хотя бы оно было пустомельство, к фельетонству». В этом, по его мнению, был «немало виноват ректор, гонящийся за жизненностью и пренебрегающий научным» [22, л. 73–73 об.]. Профессор Казанской академии К.В. Харлампович вспоминал о проходивших по призыву ректора беседах и чтениях в обществе трезвости и тюрьме, богослужбных беседах и проповедях в церквях и воскресных школах, однако отмечал «ущерб» в этом академической и научной деятельности. Он же отмечал специфику административной работы Антония, который «мало считался» с академическим уставом, дававшим определенную самостоятельность профессорской корпорации, которой он «навязывал ... свою волю и свою идею силою начальнического авторитета» [23, с. 809–810, 830]. Академические приоритеты ректора, его стиль управления, бывший в глазах преподавательского состава авторитарным, заложили основы отношения к Антонию уже в период развернувшейся с 1905 г. церковной полемики.

Активная общественная деятельность, наложенная на особенности характера Антония, создавала образ, вызывавший у многих современников неприязнь. Уже в 1891 г. начальник архива и библиотеки Синода А.Н. Львов в своем дневнике называл Антония «пресловутым» и характеризовал его как карьериста, разыгрывающего роль «на почве якобы возбуждения молодежи к высшей духовно-нравственной деятельности». «Всюду он ищет популярности. В мире его прямо называли бы хлыщом, а под покровом ряссы, да еще черной, при видимом смирении и благочестии, он на первый раз представляется деятелем и даже для многих симпатичным. Но многие уже раскусили его и оценили по достоинству» [24, с. 111]. Б.Б. Глинский, составляя биографию К.П. Победоносцева, отмечал отрицательное отношение последнего к тем представителям Церкви, «деятельность которых почему-либо сложилась шумно и слишком на общественном виду», выделяя среди таких Антония (Храповицкого) и о. Иоанна Кронштадтского. Следствием такого отношения стало «скитание по епархиям, которое пришлось вынести преосвященному Антонию» [25, с. 23–24].

Непросто складывались отношения ректора с преподавателями академии. Митрополит Евлогий вспоминал, что студентам нравилось неуважение Антония к авторитетам, нелестные отзывы о преподавателях [26, с. 42]. Упомянув подобные речи Антония, профессор А.Д. Беляев в своем дневнике оправдывал его: «Думаю, что он делает это по своей несдержанности. Ведь он во всем живет нараспашку» [27, л. 90]. Он характеризовал ректора как человека искреннего, деятельного и умного, однако отмечал в нем недостаток «серьезности», «продуманности», когда, будучи уверенным в себе, он часто оказывался поспешен и слишком легок в своих выводах [28, л. 5].

Характерным для Антония было и весьма смелое поведение в отношениях с начальством. Профессор В.А. Соколов вспоминал, как в 1894 г. известный публицист генерал А.А. Киреев в письме высказывал опасения относительно неодобрительных отзывов митрополита Сергея (Ляпидевского) об академических журналах и дальнейшей судьбе Богословского вестника, «...но пока цензором Богословского вестника состоял еще о. ректор Антоний, – замечал Соколов, – это новое веяние не было особенно заметным. Несмотря на явно неблагоприятное отношение к нему владыки, он в своей цензорской деятельности настолько сохранял прежнюю самостоятельность...» [29, с. 268]. Подводя итог деятельности ректора Антония в отношении журнала, Соколов

писал: «...он заявил себя решительным сторонником надлежащей свободы в научном обсуждении богословских вопросов... Даже некоторые внушения, исходившие иногда из очень высоких сфер, по-видимому, не в силах были заставить нашего цензора изменить принятое им положение в отношении к академическому журналу» [30, с. 264].

Еще одна тема, которая в русском обществе конца XIX в. ассоциировалась с Антонием (Храповицким), – идея восстановления патриаршества. Он приобрел славу главного ревнителя этой идеи. Еще в период ректорства в Московской академии, не имея возможности высказываться об этой проблеме официально, он, по свидетельству современника, «возбуждал» этот вопрос в академической среде [31, с. 85]. Художник М.В. Нестеров в 1901 г. описывал Антония такими словами: «наисильнейший и наиболее обаятельный» из всех подготавливающих смелые решения «в религиозных вопросах». «Далеко он идет в своих мечтаниях об «отделении церкви от государства» [32, с. 198]. Вполне естественно, что в обществе за ним закрепилась слава будущего реформатора Церкви.

Таким образом, Антоний (Храповицкий) стал привлекать внимание современников с самого начала своей церковной деятельности. Его фигура отличалась от привычного образа представителя официальной Церкви. В публицистике Антоний представал идеологом пастырства, борцом со схоластикой, монахолюбом, ярким полемистом, выходящим из церковной ограды и вступающим в диалог с представителями светской культуры. В записках и воспоминаниях он зарекомендовал себя критиком синодальной системы. Современники подчеркивали особенности характера Антония, его смелость и независимость, отмечая в то же время, что это приводило к самонадеянности и своеволию. Налицо было столкновение Антония с преподавательской корпорацией духовных академий по вопросам главных задач академического образования. В политическом плане Антоний (Храповицкий) в 1880–90-е гг. многими воспринимался как либерал.

Ссылки:

1. Струве П.Б. Большой русский писатель // Струве П.Б. Дух и слово: Статьи о русской и западноевропейской литературе. Париж, 1981. С. 329.
2. Флоровский Г.В. Пути русского богословия. Париж, 1983. С. 426.
3. Студенты-проповедники (Очерки петербургской религиозно-просветительской деятельности) // Церковный вестник. 1892. № 1. С. 6.
4. Архиепископ Антоний (Храповицкий). Полное собрание сочинений. СПб., 1911. Т. 3. С. 422.
5. Там же. С. 422–423.
6. Письма Владимира Сергеевича Соловьева / под ред. Э.Л. Радлова. Петроград, 1923. С. 235.
7. Владимир Соловьев и культура Серебряного века: к 150-летию Вл. Соловьева и 110-летию А.Ф. Лосева. М., 2005. С. 452.
8. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. М., 1992. Т. 66. С. 191.
9. Никон (Рклицкий), архиеп. Митрополит Антоний (Храповицкий) и его время. Н. Новгород, 2004. Кн. 1. С. 197.
10. Леонтьев К.Н. Избранные письма. СПб., 1993. С. 603.
11. Владимир Соловьев и культура Серебряного века. С. 452.
12. ОР РГБ. Ф. 26. К. 1. Д. 28. Л. 51.
13. Православная богословская энциклопедия / изд. под ред. А.П. Лопухина. СПб., 1900. Т. 1. С. 905.
14. Никон (Рклицкий). Указ. соч. С. 219.
15. Митрополит Арсений (Стадницкий). Дневник. 1880–1901. М., 2006. Т. 1. С. 285.
16. Там же. С. 277–278.
17. Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни. М., 1994. С. 42.
18. Яковлев И.Я. Моя жизнь: Воспоминания. М., 1997. С. 256.
19. ОР РГБ. Ф. 26. К. 1. Д. 27. Л. 69.
20. ОР РГБ. Ф. 26. К. 1. Д. 26. Л. 31.
21. Евлогий (Георгиевский). Указ. соч. С. 41.
22. ОР РГБ. Ф. 26. К. 1. Д. 26. Л. 73–73 об.
23. Православная богословская энциклопедия / изд. под ред. Н.Н. Глубоковского. СПб., 1907. Т. 8. С. 809–810, 830.
24. «Князь церкви» (из дневника А.Н. Львова) // Красный архив. 1930. Т. 2 (39). С. 111.
25. Тайный правитель России: К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. 1866–1895. Статьи. Очерки. Воспоминания. М., 2001. С. 23–24.
26. Евлогий (Георгиевский). Указ. соч. С. 42.
27. ОР РГБ. Ф. 26. К. 1. Д. 24. Л. 90.
28. Там же. Л. 5.
29. Соколов В.А. Пять с половиной лет в должности редактора // Богословский вестник. 1915. Т. 3, № 12. С. 268.
30. Там же. С. 264.
31. Савва (Тихомиров), архиеп. Хроника моей жизни: Автобиографические записки высокопреосвященного Саввы (Тихомирова) // Богословский вестник. 1909. Т. 3, № 9. С. 85.
32. Нестеров М.В. Письма. Л., 1988. С. 198.

References:

1. Struve, PB 1981, 'Great Russian writer', in Struve, PB, *Spirit and the word: Articles about the Russian and Western literature*, Paris, 329 p.
2. Florovsky, GV 1983, *Ways of Russian Theology*, Paris, 426 p.
3. 'Students-preachers (Essays Petersburg religious outreach)' 1892, *Church Herald*, no. 1, p. 6.

4. Archbishop Anthony (Khrapovitsky) 1911, *Full composition of writings*, St. Petersburg, vol. 3, p. 422.
5. Archbishop Anthony (Khrapovitsky) 1911, *Full composition of writings*, St. Petersburg, vol. 3, p. 422-423.
6. Radlov, EL (ed.) 1923, *Letters of Vladimir Soloviev*, Petrograd, 235 p.
7. *Vladimir Solovyov and culture of the Silver Age: the 150th anniversary of VI. Solovyov and the 110th anniversary of AF Losev* 2005, Moscow, p. 452.
8. Tolstoy, LN 1992, *Full composition of writings*, Moscow, vol. 66, p. 191.
9. Nikon (Rklitsky), Arch. 2004, *Metropolitan Anthony (Khrapovitsky) and his time*, N. Novgorod, book 1, p. 197.
10. Leontiev, KN 1993, *Selected Letters*, St. Petersburg, p. 603.
11. *Vladimir Solovyov and culture of the Silver Age: the 150th anniversary of VI. Solovyov and the 110th anniversary of AF Losev* 2005, Moscow, p. 452.
12. *MD RSL*, F. 26. C. 1. D. 28. L. 51.
13. Lopukhin, AP (ed.) 1900, *Orthodox Theological Encyclopedia*, St. Petersburg, vol. 1, p. 905.
14. Nikon (Rklitsky), Arch. 2004, *Metropolitan Anthony (Khrapovitsky) and his time*, N. Novgorod, book 1, p. 219.
15. Metropolitan Arseny (Stadnitskii) 2006, *A diary. 1880-1901*, Moscow, vol. 1, p. 285.
16. Metropolitan Arseny (Stadnitskii) 2006, *A diary. 1880-1901*, Moscow, vol. 1, p. 277-278.
17. Eulogy (St George), Metropolitan 1994, *The path of my life*, Moscow, p. 42.
18. Yakovlev, IY 1997, *My Life: Recollections*, Moscow, p. 256.
19. *MD RSL*, F. 26. C. 1. D. 27. L. 69.
20. *MD RSL*, F. 26. C. 1. D. 26. L. 31.
21. Eulogy (St George), Metropolitan 1994, *The path of my life*, Moscow, p. 41.
22. *MD RSL*, F. 26. C. 1. D. 26. L. 73-73 vol.
23. Glubokovskiy, NN (ed.) 1907, *Orthodox Theological Encyclopedia*, St. Petersburg, vol. 8, p. 809-810, 830.
24. "'Princes of the Church" (from the diary of AN Lvov)' 1930, *Red archive*, vol. 2 (39), p. 111.
25. *Secret ruler of Russia: KP Pobedonostsev and his correspondents. Letters and notes. 1866-1895. Articles. Essays. Memo-ries* 2001, Moscow, p. 23-24.
26. Eulogy (St George), Metropolitan 1994, *The path of my life*, Moscow, p. 42.
27. *MD RSL*, F. 26. C. 1. D. 24. L. 90.
28. *MD RSL*, F. 26. C. 1. D. 24. L. 5.
29. Sokolov, VA 1915, 'Five and a half years as editor', *Theological Journal*, vol. 3, no. 12, p. 268.
30. Sokolov, VA 1915, 'Five and a half years as editor', *Theological Journal*, vol. 3, no. 12, p. 264.
31. Savva (Tikhomirov), Arch. 1909, 'Chronicle of my life: Autobiographical Notes Eminence Savva (Tikhomirov)', *Theological Journal*, vol. 3, no. 9, p. 85.
32. Nesterov, MV 1988, *Letters*, Leningrad, p. 198.